

Н. В. Чикина

ЛИРИКА С. А. ЕСЕНИНА В ПЕРЕВОДАХ НА КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК¹

В статье анализируются методы перевода поэзии русского поэта С. А. Есенина на ливвиковское наречие карельского языка. Актуальность темы заключается в сопоставлении оригинала и переводов с учетом особенностей художественной системы карельского языка, вызванной длительным отсутствием письменности на нем. Образно-семантический, контекстуальный, системно-субъектный подходы, которые интегрируются в едином сравнительно-сопоставительном анализе поднимают проблему «переводимое/непереводимое» в переводе, затрагиваемую в трудах многих исследователей. Теоретическую основу данного исследования составляют разработки Л. С. Бархударова, М. Ю. Илюшкиной, Я. И. Рецкера.

В статье проанализированы переводы произведений поэзии С. А. Есенина, выполненные поэтами-ливвиками В. Е. Брендоевым, А. Л. Волковым и З. Т. Дубининой. Научная новизна состоит в отсутствии аналогичных исследований по теме. Одной из проблем указанного исследования является сложность перевода поэтических текстов, поскольку речь карелов метафорична и порой не имеет соответствия в русском языке. Чаще всего переводчики используют четыре типа трансформации: перестановки (изменение порядка слов в предложении), замены (компенсация, антонимический перевод), опущение и добавление.

Осуществляя перевод, авторы старались учитывать минимум три аспекта: точность, верность и адекватность. Именно эта проблема является ключевой для теории, критики и практики. Анализ переводов показал, что поэты – переводчики творчества С. А. Есенина на ливвиковское наречие карельского языка В. Е. Брендоев, А. Л. Волков и З. Т. Дубинина использовали в своей работе все перечисленные выше методы, чаще всего, склоняясь к методу замены. В. Е. Брендоев вносил этническую составляющую в перевод и тем самым максимально приближал стихотворения к карельскому читателю. А. Л. Волков более точно передал стиль русского поэта. З. Т. Дубинина полностью переосмыслила образы. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при разработке лекционных курсов по теории перевода, стилистике, спецкурсов по карельскому языку.

Ключевые слова: *перевод, поэзия, карельский язык, литература Карелии, методы, транслитерация, С. А. Есенин, лирика.*

Литература придает национальной идентичности художественное выражение и через переводы передает свои ценности другим народам. Я. И. Рецкер выделил несколько разновидностей лексических трансформаций при переводе (Рецкер, 1974: 38). Л. С. Бархударов рассматривает четыре типа трансформаций, используемыми переводчиками: перестановки (изменение порядка слов в предложении), замены (компенсация, антонимический перевод), опущение и добавление (Бархударов, 1975).

Изменение места слов и словосочетаний дают возможность переводчику выделить смысл какой-либо части предложения. Опускаются чаще всего слова, избыточные с точки зрения их смыслового содержания. Добавления и замены могут быть вызваны не нарушением норм языка, на который переводят. Переводчики Карелии чаще всего используют приемы антонимического перевода и переводческой компенсации.

Применяя прием антонимического перевода, который «представляет собой замену какого-либо понятия, выраженного в подлиннике, противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой всего высказывания для сохранения неизменным плана содержания» (Илюшкина, 2018: 50), является одним из сложных моментов в работе переводчика, поскольку передача художественных образов, раскрывающих внутренний мир поэта, и как

¹ Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

следствие, выражение его отношения к окружающей действительности, представляется нам наиболее важным.

Первым на карельский язык стал переводить произведения С. А. Есенина В. Е. Брендоев (1931–1990) в 1970-е гг. еще до официального появления письменности. Именно он поднял карельский язык на более высокий поэтический уровень. По мнению поэта А.-К. Рипатти, В. Е. Брендоев был талантливым переводчиком: «Его переводы Сергея Есенина и Расула Гамзатова были ритмичны и наводили на размышления лучше, чем финские версии» (Pahomova, 1995).

Всего за 28 лет со времени публикации первого перевода В. Е. Брендоева в 1978 г. и до последней публикации перевода З. Т. Дубининой в 2006 г. на карельский язык было переведено 14 произведений С. А. Есенина. Самое большое количество переводов (11) выполнил В. Е. Брендоев за период с 1978 по 1988 г. В 1990-е гг. появилось четыре перевода, выполненных А. Л. Волковым (3) и П. Тайвайхيني (1). В XXI в. были опубликованы переводы трех стихотворений С. А. Есенина, сделанные З. Т. Дубининой, единственной женщиной-переводчиком творчества русского поэта в Карелии. Интересен и тот факт, что так называемый «цикл» истории переводов на ливвиковское наречие карельского языка начинается и завершается одним и тем же стихотворением – «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» (Чикина, 2017: 178).

В первый сборник стихов В. Е. Брендоева «Anusrandaine» («Край мой олонецкий», 1980) были включены сразу пять переводов произведений Есенина: «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»; «Нивы сжаты, рощи голы...»; «Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...»; «Не жалею, не зову, не плачу...»; «Отговорила роща золотая...». Особенностью этого сборника является то, что все произведения были опубликованы параллельно на латинице и кириллице, т.к. еще не был решен вопрос о выборе графической основы для карельского языка.

Стихотворение «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» за все время публикации не раз меняло свое название в переводе. Первый перевод 1978 г. был опубликован под названием «Kljona» («Клен»), затем «Ruagu kl'ona=Ryagu клёна» («Голый клен», 1980), «Kl'ona minun armas, kyl'mänyh da guadu...» («Клен мой дорогой, замерзший и голый...», 1989), «Kl'ona minun armas...» («Клен мой дорогой...», 1993) «Kl'ona» («Клен», 2000).

Разное написание в разные годы слова «клен» – «Kljona» и «Kl'ona», вызвано еще не устоявшимися письменными нормами. В публикации 1978 г. в финноязычном журнале «Punalippu» («Красное знамя») использовано финское написание буквы «ё» путем сочетания двух букв «jo», которое в дальнейшем было заменено на карельское – знак смягчения плюс буква – «'o». Публикация 1980 г. в сборнике «Край мой олонецкий» вышла под названием «Голый клен» и т. д. Даже такие небольшие наблюдения только за переводом названия представляют ценный историко-лингвистический материал, имеющий важность, как для истории литературы Карелии, так и для создания единого письменного карельского языка.

Само стихотворение не претерпевало изменений при публикации, не считая изменяющихся письменных норм. Перевод В. Е. Брендоева соответствует оригиналу С. А. Есенина по смыслу, однако он имеет некоторые особенности. Во второй строке, В. Е. Брендоев использует прямое обращение к дереву: «Что, золотой, услышал?» Здесь учтена особенность карельского языка, когда прилагательное «kulta» («золотой») используется населением в значении «дорогой», «близкий», «любимый» и т.п.

По дороге домой лирический герой встречает вербу и сосну, В. Е. Брендоев заменил эти деревья на черемуху и березу. У всех поэтов-ливвиков береза является любимым деревом и, одновременно, символом малой родины – Олонии. Если в русской поэзии береза традиционно считается «женским» деревом, то у карелов и вепсов она может выступать в качестве мужского символа (особенно ствол) (Винокурова, 2015: 182–184).

В поэзии В. Е. Брендоева мы встречаемся как с мужским, так и с женским образом березы, что говорит о взаимопроникновении русской и карельской художественной традиции.

Чаще всего береза – это молодой парень, а черемуха – всегда женского рода. В оригинальной поэзии В. Е. Брендоева клен вообще ни разу не упоминается.

Особенно интересным является перевод четвертой строфы произведения С. А. Есенина «Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,/ Не дойду до дома с дружеской попойки...». В. Е. Брендоев перевел ее как: “Oh, dai minä nygöi nenäl n’uokin muadu,/ kodih en voi piästä liijan lipin juoduu” («Ох, и я сейчас носом клюю землю,/ домой не могу попасть, лишка берестяных черпаков выпил...»). Использование фразеологизма «носом клюю землю» для обозначения степени алкогольного опьянения, кажется нам довольно таки удачным. Следующей строкой В. Е. Брендоев подчеркнул особенности национального быта карелов – использование берестяного черпачка в качестве посуды.

Ныне живущие поэты-карелы стараются избегать ситуации перевода одного и того же стихотворения, однако «соревнуются» в переводе стихотворений С. А. Есенина с основоположником карелоязычной литературы В. Е. Брендоевым. Так, из 11 произведений, переведенных В. Е. Брендоевым, четыре дублируются современными поэтами. Это: «Над окошком месяц. Под окошком ветер...» и «Выткался на озере алый свет зари...» (А. Л. Волков), «Не жалею, не зову...» и «Клен» (З. Т. Дубинина). З. Т. Дубинина, вслед за В. Е. Брендоевым, дает стихотворению «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» емкое название «Кl’опа» («Клен»). Клен у нее тонкий, безлистный и голый.

Стихотворение С. А. Есенина «Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...» в переводе В. Е. Брендоева также претерпело несколько изменений в названии. Публикация 1978 года – «Kuules – regi lendäy...» («Слышишь – сани летят...»), «Kuules – regi lendäy...=Куулес – реги лендау...» (1980), “Kuules – regi lendäy, regi lendoh lähti!..” («Слышишь – сани летят, сани в полет отправляются!..», 1989). Перевод В. Е. Брендоева имеет смысловое соответствие с оригиналом, но опять же имеет отличительные особенности и перекликается с переводом стихотворения «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...».

Первая лингвистическая особенность, которую следует отметить, это использование В. Е. Брендоевым единственного числа при переводе первой строки: «Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...». На русский язык предложение переводится во множественном числе: «Слышишь – сани летят, сани в полет отправляются!..», хотя на карельском языке фраза построена в единственном числе: “Kuules – regi lendäy, regi lendoh lähti!..”.

По этой причине при переводе третьей строфы, В. Е. Брендоев также был вынужден использовать единственное число при обращении к саням (мн.ч.): «Oi sa, regi, regi! Minun lindusälgy!/ Humalikos koivu pläššiy, tagou jalgoi» («Ой ты, сани, сани! Моя птица-жеребенок!/ Опьяневшая береза пляшет, кует ногой»). Такая конструкция позволяет переводчику сохранить рифму.

В стихотворении С. А. Есенина «клен танцует пьяный», а В. Е. Брендоев опять производит замену дерева и у него появляется «опьяневшая береза» в мужском варианте! На наш взгляд, использование слова «tagou» (ковать) не совсем удачно. Понятно, что переводчик обозначает действие глаголом «топать». Береза-мужик тяжело топает, как говорят в народе о человеке с тяжелой походкой «свай забивает». Завершая перевод стихотворения обращением к спутнице, В. Е. Брендоев вновь использует карельское обращение «kulta».

Стихотворение С. А. Есенина «Нивы сжаты, рощи голы...» также при публикации в разные годы имело изменения: “Villjat ruokittu on iäres...” (1978), “Vil’l’at ruokittu on iäres...”= «Виллят руокитту он иарес...» (1980). Перевод интересен практически полным лексическим совпадением с оригиналом. Особенно выделяется сравнение «месяц – рыжий жеребенок» (у С. А. Есенина «Рыжий месяц жеребенком»), поскольку в оригинальной поэзии В. Е. Брендоева встречается солярная символика. Описаны разные образы луны в зависимости от фазы, она то круглая (луна), то месяц. Месяц напоминает поэту «горбушку хлеба» (kannikko), серп (širpi), белого лебедя (joučen valgei), а луна – это круг (ratoi). Здесь же «месяц – рыжий жеребенок» (kuudam – riizusal’gy).

Обращает на себя внимание и то, что в одном и том же сборнике «Добрый след на земле» (1999), слово «жеребенок» пишется двояко: «säl'gy» и «sälgü» (сравни стихотворения «Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...» и «Нивы сжаты, рощи голы...» этого сборника). Жеребенок так же имеет два образа: сани (птица-жеребенок) и месяц (рыжий жеребенок), хотя у С. А. Есенина образа саней нет, и «рыжий месяц жеребенком» (сравнение).

При переводе стихотворения С. А. Есенина «Не жалею, не зову не плачу...» ("Engo kuču, itke, en, ni žielei..." (1978), «Энго кучу, итке эн, ни жиалей...» (1980), "Engo kuču, itke en, ni žiälei..." (1989)) переводчик меняет порядок слов – «Не зову, не плачу, не жалею...». Смысл стихотворения сохранен, однако В. Е. Брендоев вновь вносит изменения в перевод, дополняя тем самым смысловую окраску и вводя новые образы. Так, есенинское предложение «И страна березового ситца» он перевел как "engo minä, **koivurandurukku**" («и я, березовый берег-бедняжка»), подчеркивая тем самым мысль, что родной берег для поэта ассоциируется только с березой.

Для усиления этнической составляющей В. Е. Брендоев меняет в третьей строфе порядок строк С. А. Есенина и переводит одну из них как "Oi, työ silmät sinizembät järvi" («Ой, вы, глаза, синие озера»), тем самым, уточнив и приблизив смысл стихотворения к карельскому читателю. Точно так же он поступает и с пятой строфой, вновь заменяя есенинский клен на березу: «Тихо льется с кленов листьев медь» (С. А. Есенин) на "**Koivu** vaskia tiputtai ku vetty..." («Береза медью капает, как водой» В. Е. Брендоев), лишней раз, подтверждая свою любовь к березе.

В 2001 г. появляется перевод З. Т. Дубининой стихотворения С. А. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...», которому она дает название «Itke en...» («Не плачу...»). Перевод короче оригинала на 1 строфу. Опущено четверостишие:

Дух бродяжий! Ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Как и В. Е. Брендоев, который перевел это произведение ранее, З. Т. Дубинина меняет порядок слов в первой строке. В ее варианте: "Itke en, en žialöise, en kuču" («Не плачу, не жалею, не зову»). На наш взгляд, такая перестановка слов поэтом неслучайна и несет дополнительную смысловую нагрузку. Переводчики тем самым показывают приоритеты, оттенки чувств лирического героя, а может быть и свои. К тому же, изменено и написание глаголов.

Так же как и В. Е. Брендоев, З. Т. Дубинина изменяет есенинское предложение «И страна березового ситца». Если В. Е. Брендоев все-таки оставил привязку к березе, то у З. Т. Дубининой этого образа нет. Ее герой "Heinien keskes kasties kävelin" («среди травы в вейнике лесном гулял»). Так же как и В. Е. Брендоев, З. Т. Дубинина изменяет строку «Тихо льется с кленов листьев медь». В ее варианте "Kuivat lehtet puulois karištah" («Сухие листья на деревьях хрустят»). Сопоставив переводы, можно сделать вывод, что З. Т. Дубинина опускает эпитеты, переосмысливает образы, делая их более пессимистичными или нейтральными. Перевод В. Е. Брендоева более светлый. Завершают перевод З. Т. Дубининой строки благодарности земле, на которой пришлось жить, и желание быть похороненной именно в родной земле. Такого смысла С. А. Есенин в свое стихотворение не вкладывал. Здесь, видимо, высказано пожелание переводчика.

Перевод стихотворения "Jo tuuli kuldukoivikkostu rijbiy..." (1978), "Jo tuuli kuldukoivikkoštu riibi..."= «Ё туули кулдукойвиккошту рийбиу (1980) («Отговорила роща золотая...»), выполненный В. Е. Брендоевым, практически полностью соответствует оригиналу. Переводчиком сохранена кольцевая конструкция стихотворения, в произведение добавлено лишь два образа, которые на наш взгляд, имели для него важное значение. Фразу С. А. Есенина «Березовым, веселым языком» В. Е. Брендоев заменил на "jo tuohikielel loppih pagin kai" («уже на берестяном языке закончен разговор весь»), окончив ей предложение. В. Е. Брендоев включил эпитет

‘tuohikieli’ («берестяной язык») с одной стороны для уточнения языка, на котором может говорить береза, а с другой стороны, во избежание тавтологии, поскольку в первой строке он использовал слово «березняк» (березовая роща).

Однако возможно здесь имеется и более глубокий подтекст. Говоря «уже на берестяном языке закончен разговор весь» под «берестяным языком» В. Е. Брендоев мог подразумевать карельский язык, который с 1940 по 1970-е гг. существовал только в устной форме и не являлся языком литературы, поскольку даже не имел письменности. Продолжается эта мысль во втором четверостишии, третью и четвертую строки С. А. Есенина В. Е. Брендоев заменил на “*dai žiäleimättäh synnyinrannan hyl’giäy, / ken kyndiä, kyl’viä kodipeldua voiš*” («и жаль родной берег бросить, / кто пахать, сеять родное поле мог бы»).

Использование эпитетов и метафор в переводах говорит о богатом внутреннем мире карельского поэта, его связи с устным народным творчеством. Однако в этом стихотворении при переводе четвертой строфы В. Е. Брендоев меняет прекрасный есенинский образ «В саду горит костер рябины красной» на свой “*Tuos pihäs pihlai hiiloksennu huostau*” («В том дворе рябина в загнетке тлеет»), меняя тем самым, светлый тон стихотворения С. А. Есенина на пессимистичный. Это тоже очень интересный подход, но, на наш взгляд, у Брендоева было достаточно словарного запаса для более точного перевода.

19 ноября 1980 г. в Центральном доме литераторов имени А. А. Фадеева в Москве проводился литературно-художественный вечер, на котором В. Е. Брендоев прочитал свои переводы на карельский язык стихотворений С. А. Есенина. Как отмечал А. И. Мишин, слушатели «выкрикивали русские названия есенинских стихов, настолько точно переводчик передал интонационно-синтаксические особенности стиха великого поэта» (Мишин, 2011: 105).

В сборнике В. Е. Брендоева «*Hiilau huoli*» («Горячая забота», 1983) появился перевод стихотворения С. А. Есенина «Над окошком месяц. Под окошком ветер...». Как и предыдущие переводы этот так же имеет практически полное соответствие оригиналу. Из особенностей данного перевода следует отметить включение чисто карельского понятия «лемби» в текст для обозначения любви. Л. И. Иванова писала: «Понятие лемби (севернокарельский вариант – лемпи) и связанный с этим понятием мифоритуальный комплекс обрядов – это самобытное явление карельской традиционной культуры» (Иванова, 2018: 90).

В. Е. Брендоев заменяет слово «тальянка» на «гармошка» и игру на ней обозначает словом *luglahutiin* (курлыкать, кликать). На наш взгляд, такое образное выражение не совсем подходит для обозначения игры на гармошке. Курлыканье более свойственно журавлям. Так же карелы могут использовать этот глагол для обозначения журчания воды в реке, которое тоже вряд ли может ассоциироваться с игрой на клавишном инструменте.

Перевод стихотворения “*Ikkunan piäl kuudam...*” («Над окошком месяц. Под окошком ветер...»), выполненный А. Л. Волковым, имеет некоторые лексические неточности, но в целом соответствует оригиналу. А. Л. Волков использует интересное сравнение для обозначения облетевшего тополя – без лиственных губ. Вслед за В. Е. Брендоевым, он заменяет тальянку на гармошку, а фразу «выходил к любимой» переводит как «шагал в новых сапогах». К тому же он выносит в название строку “*Ikkunan piäl kuudam...*” (досл. «Над окошком месяц...»). Следует обратить внимание на орфографическое написание слов при публикации в разные годы, т.к. их нормы у карелов постоянно меняются. Так, современное написание слова «тополь» – ‘*torpoli*’ (у А. Л. Волкова – *topol*’), глагола «осталась» – ‘*jiännyh*’ (у А. Л. Волкова *d’iännüh*).

Следующей публикацией переводов стихов С. А. Есенина В. Е. Брендоевым стал выход подборки в журнале «Красное знамя» в 1985 г. Читателю были представлены три новых перевода: «Береза», «Выткнулся на озере алый свет зари...» и «Не криви улыбку, руки теребя...». Последовательно обратимся к анализу этих произведений.

С первой строки стихотворения “*Koivu*” («Береза») В. Е. Брендоев уточняет, что береза не просто белая (*valgei*), а снежно-белая (*vidivalgei*), и принакрылась она не только снегом, но

и “hobjukatuhal” («серебряным шубным одеялом»). Katuhu (карел.) – это одеяло, сшитое из нескольких овчин (шубное одеяло). Вторую строфу В. Е. Брендоев перевел так: “Pöyhelözil oksil –/ lumišäigehet,/ riputah, ku ripset,/ valgiat karvažet” («На пушистых ветках – / снежинки,/ висят, как ресницы,/ светлые волосы...»). Первые две строки третьей строфы переводчик оставил без изменения, а вот далее заменил есенинские строки «И горят снежинки/ В золотом огне...» на “kybendetäh oksat/ kuldukybenil” («искрятся ветки/ золотыми искрами»). Завершается стихотворение строками: “uuttu hobjuu kylväu/ koivun oksile” («новое серебро сеет/ на ветки березы»).

Стихотворение «Kudoiheze guzappo zor’ku järvivies...» («Выткался на озере алый свет зари...») достаточно сложно далось переводчику, поэтому много деталей поэт изменил. Описывая глухаря, В. Е. Брендоев использует синонимы: плачет (itköy), хныкает (кууцittäy). Птицу иволгу он не упоминает, а пишет просто о некоей гнездовой птице. Третью строфу перевел как: “Tiijän, olet ehtembä suoval kujonsuun./ Ištumokseh suottoloih, alle salgoruun” («Знаю, ты успешь на стог к началу прогона./ Присев на болоте, под стожар»).

Далее В. Е. Брендоев достаточно точно переводит страстные откровения лирического героя, уточнив, что предаваться любви пара будет именно в кустах черемухи. Завершая стихотворение, В. Е. Брендоев вновь обращается к понятию «лемби», которое часто встречается и в его оригинальной поэзии. **Lembiatkalat** (истосковавшимися по любви) представляет переводчик своих героев.

Переводя стихотворение “Pdukaajos paltinua kudou järven pinnas...” («Выткался на озере алый свет зари...») А. Л. Волков стремился выполнить перевод «слово в слово», сохранив все оттенки чувств лирического героя, допуская некоторые отступления. В отличие от В. Е. Брендоева, он заменяет иволгу на певчую птицу, тем самым, расширяя фантазию читателя, о том, какая именно птица поет (плачет). Избегая повтора в предложениях: «Плачет где-то иволга.../Только мне не плачется...», А. Л. Волков меняет первую строку на: “Pajolindu voitottau...” («Певчая птица стонет...»), а вторую передает точно. Лирический герой С. А. Есенина ждет возлюбленную за кольцом дорог, а у А. Л. Волкова встреча должна произойти на краю поля, где, обнявшись, они сядут у копны сена.

Над переводом стихотворения «Выткался на озере алый свет зари...» авторам пришлось достаточно много потрудиться, поэтому, например, у В. Е. Брендоева имеется столько изменений и разного рода включений в текст, А. Л. Волкову же удалось справиться со всеми сложностями перевода. Отличительной чертой переводов стало то, что В. Е. Брендоев максимально пытался приблизить стихотворение к карельскому читателю, включая в него лексику с национальным колоритом, например, понятие «лемби». А. Л. Волков же пытался более точно передать стиль произведения.

Настоящей переводческой удачей В. Е. Брендоева можно назвать перевод на карельский язык стихотворения С. А. Есенина «Не криви улыбку, руки теребя...» («Midä suudu viäristät, käzii katkoen...» (1985), ”Midä suudu viärištät, käzii katkojen...” (1989)), в котором автору удалось не только сохранить смысл и ритмомелодику стиха, но еще больше передать переживания женщины. Буквальный перевод первой строки, давшей название стихотворению «Что рот кривишь, руки ломаешь...».

Перевод стихотворения «Tuomi myös ripottau lundu...» («Сыплет черемуха снегом...») максимально приближен к карельскому читателю. Переводчик сохранил метонимию стиха, хотя опять внес несколько лексических изменений. Так, он заменил грача на ворону. Возможно, необходимость такой замены вызвана желанием сохранить рифму. Грач переводится на карельский язык как ’peldovaroï’ или ’mustuvaroï’, а ворона ’varoï’. В переводе В. Е. Брендоев сравнивает птицу с пахарем, но, на наш взгляд, у большинства людей с полем все же ассоциируется не ворона, а грач.

Стихотворение «Vältymmö myö nygöi vähin-vähin...» («Мы теперь уходим понемногу...») в переводе В. Е. Брендоева впервые было опубликовано в 1988 г., а через два года поэт умер.

Здесь он вновь не удержался и включил в стихотворение дорогую ему березу (вместо осины) и ламбушку (маленькое лесное озеро). Чувство природы (и родины как природного феномена), сопряженное с эстетическим идеалом, для есенинского героя остается первостепенной и высшей ценностью до самых последних дней. То же самое можно сказать и о В. Е. Брендоеве.

А.-К. Рипатти писал о феномене В. Е. Брендоева: «С одной стороны он возможно последний рунопевец из Олонца, который слышал калевальские песни и плачи в детстве и танцевал в кругу частушек. Но с другой стороны он читал Сергея Есенина и слышал песню «Журавли» Расула Гамзатова, и от них к нему пришел поэтический образ» (Brendojev, 1986: 7).

Поэт И. К. Симаненков вспоминал, как В. Е. Брендоев работал над переводом стихотворения «Письмо матери» С. А. Есенина. Там есть такая строка: «Что ты часто ходишь на дорогу в старомодном ветхом шушуне». Очень долго В. Е. Брендоев не мог найти соответствия этому слову в карельском языке. Слово «шушун» очень содержательное и поэтичное и заменять его на «телогрейка», «кацавейка», «салоп», «сарафан» В. Е. Брендоев считал неприемлемым. «Брендоев был очень аккуратным в переводческой работе», – писал И. К. Симаненков (Simanenkov, 1991). К сожалению, среди опубликованных переводов В. Е. Брендоева стихотворение «Письмо матери» С. А. Есенина обнаружить не удалось. Возможно, оно так и осталось в личном архиве автора.

В. Е. Брендоева называют карельским Есениным. Такое сравнение, видимо, связано с тем, что его поэзия напоминает произведения С. А. Есенина, однако, на наш взгляд, это скорее вызвано не поэтической близостью поэтов, а сопоставлением жизненных ценностей и образов героев, усвоением литературного опыта русских. Очень часто В. Е. Брендоев отталкивается и от карельских народных песен, поэтому в его сборниках стихов можно встретить целые циклы, написанные на их основе.

Подытоживая анализ переводов лирики С. А. Есенина, выполненных В. Е. Брендоевым, можно сделать вывод, что большинство из них достаточно удачны, совпадают по смыслу и ритмомелодике с оригиналами. Однако В. Е. Брендоеву хотелось внести этническую составляющую в переводы, тем самым максимально приблизив их к карельскому читателю, поэтому он чаще всего использовал в работе метод замены. Пытался выразить мироощущение своего народа, адаптируя переводимый текст к карельской культуре, с возможностью отчасти менять содержание и некоторые элементы произведения.

Благодаря переводческой деятельности В. Е. Брендоева, было переведено наибольшее количество стихотворений С. А. Есенина за всю историю развития карелоязычной литературы. Это позволило проверить разные лингвистические особенности и возможности использования карельского языка в литературе. Отличительной чертой переводов конца XX – начала XXI в. является то, что поэты-карелы (А. Л. Волков, З. Т. Дубинина) старались максимально точно перевести стихи С. А. Есенина с учетом новых языковых норм карельского языка, включая в них вновь разрабатываемую лексику, доказывая тем самым готовность к совершенствованию. Одной из причин пропуска строк при переводе на карельский язык А. Л. Волковым и З. Т. Дубининой нам видится неопытность поэтов, столкнувшихся со сложной образной системой русского поэта.

Имеющиеся литературные переводы на карельский язык поэзии С. А. Есенина обогатили тексты новыми качествами. Преимущественно внимание переводчиков уделялось больше содержательной стороне художественных произведений, чем передаче национальных и стилистических особенностей, в частности, мелодики, ритмики, лексики. Переводчики Карелии чаще всего использовали приемы антонимического перевода или переводческой компенсации.

Список литературы:

- Бархударов Л. С.** Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 239 с.
- Винокурова И. Ю.** Мифология велсов: энциклопедия. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. – 521 с.: ил.
- Иванова Л. И., Миронова В. П.** Досвадебная обрядность и свадебный ритуал у карелов. Исследование и материалы. – Петрозаводск: Периодика, 2018. – 365 с.
- Илюшкина М. Ю.** Теория перевода: основные понятия и проблемы. – М.: Флинта; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 80 с.
- Мишин А.** «Кукушка Олонца»: (к 80-летию Владимира Брендовой) // Север. – 2011. – № 9/10. – С. 104–106.
- Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
- Чикина Н. В.** Переводы произведений Есенина на национальные языки Республики Карелия: общий обзор // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. II: сб. науч. трудов. – М.; Константиново; Рязань: ГМЗ С. А. Есенина, 2017. – С. 175–189.
- Brendojev V.** Aunusrantaseni: käänt. ja toim. A.-K. Ripatti. – Oulu: Pohjoinen, 1986. – 111 s.
- Brendojev V.** Hiilau huoli: runoja karjalaksi. – Petroskoi: Karjala, 1983. – 62 s.
- Rahomova M.** Kodoirannan ihailijat / Kiänd. M. Mihailova // Oma Mua. – 1995. – 30. syysk.
- Simanenkov I.** Runoilijan kielivaisto // Neuvosto-Karjala. – 1991. – 5. syysk.

Чикина Наталья Валерьевна, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук.

Карельский научный центр Российской академии наук.

Ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Россия, 185910.

e-mail: tchikina@krc.karelia.ru

Материал поступил в редакцию 5 ноября 2019 г.

N. V. Chikina

S. A. YESENIN'S LYRICS IN KARELIAN LANGUAGE TRANSLATIONS

The article analyzes the methods used in translating verses by the Russian poet S. Yesenin into Livvi Karelian. What adds relevance to the topic is that the original text and the translations are compared with reference to the literary system of the Karelian language, shaped by a long life in the absence of a script. The figurative-semantic, contextual, and systemically subject-based approaches integrated within a holistic comparative-contrastive analysis raise the problem of the “translatable/untranslatable”, which many scholars have addressed. The theoretical background for this study is the works of L. S. Barkhudarov, M. Yu. Iyushkina, Ya. I. Retsker.

The article has analyzed the translations of S. A. Yesenin’s poetic works by Livvi Karelian poets V. E. Brendoev, A. L. Volkov and Z. T. Dubinina. The absence of studies of a similar kind on this subject constitutes the scientific novelty of the paper. One of the challenges for this study is the difficulty of translating poetic texts, since Karelian speech is metaphorical, often with no match to be found in Russian. There are four types of transformations that translators use the most: transposition (change of word order within sentences), substitution (compensation, antonymic translation), omission, and addition.

In making a translation, the authors try to keep in mind at least three aspects: precision, accuracy, and adequacy. It is a matter of key concern for theory, critique, and practice. Analysis of the translations has demonstrated that the poets-translators of Yesenin’s works into Livvi Karelian V. E. Brendoev, A. L. Volkov and Z. T. Dubinina have made use of all the above methods, the most frequent choice being substitution. V. E. Brendoev added an ethnic component to his translations, thus making the poem as close to a Karelian reader as possible. A. L. Volkov was the most precise in rendering the Russian poet’s style, while Z. T. Dubinina has reworked the imaged profoundly. The results of this study can be used when preparing lecture courses on translation theory, stylistics, specialized Karelian language courses.

Key words: translation, poetry, Karelian language, literature of Karelia, methods, transliteration, S. A. Yesenin, lyrics.

References:

- Barkhudarov L. S.** Jazyk i perevod: Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda. [Language and translation: General and specific issues of the translation theory]. – Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1975. – 239 p. (in Russian).
- Vinokurova I. Yu.** Mifologija vepsov: jenciklopedija. [Veps mythology: an encyclopedia]. – Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 2015. – 521 p.: fig. (in Russian).
- Ivanova L. I., Mironova V. P.** Dosvadebnaja obrjadnost' i svadebnyj ritual u karelov. Issledovanie i materialy. [Pre-wedding rituals and the wedding rite of Karelians. Study and materials]. – Petrozavodsk: Periodika, 2018. – 375 p. (in Russian).
- Ilyushkina M. Yu.** Teorija perevoda: osnovnye ponjatija i problemy. [Theory of translation: main concepts and problems]. – Moscow: Flinta; Yekaterinburg: Ural University Publishers, 2018. – 80 p. (in Russian).
- Mishin A.** «Kukushka Olonca»: (k 80-letiju Vladimira Brendoeva) [“Olonets cuckoo”: (on Vladimir Brendoev’s 80th anniversary)] // Sever. – 2011. – № 9/10. – P. 104–106. (in Russian).
- Retsker Ya. I.** Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika: Oчерki lingvisticheskoj teorii perevoda. [Theory of translation and translation practices: essays on the linguistic theory of translation]. – Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1974. – 216 p. (in Russian).
- Chikina N. V.** Perevody proizvedenij Esenina na nacional'nye jazyki Respubliki Karelija: obshhij obzor [Translations of Yesenin’s works into indigenous language of the Republic of Karelia: an overview] // Sergey Yesenin. Personality. Writings. Era. P. II: collected scientific papers. – Moscow; Konstantinovo; Ryazan: State Museum of S.A. Yesenin, 2017. – P. 175–189. (in Russian).
- Brendojev V.** Aunusrantaseni: käänt. ja toim. A.-K. Ripatti. [My land is Olonets]. – Oulu: Pohjoinen, 1986. – 111 s. (in Finnish).
- Brendojev V.** Hiilau huoli: runoja karjalaksi. [Ardent care]. – Petroskoi: Karjala, 1983. – 62 s. (in Karelian).
- Pahomova M.** Kodoirannan ihailijat / Kiänd. M. Mihailova. [Admirers of the native shore] // Oma Mua. – 1995. – 30. syysk. (in Karelian).
- Simanenkov I.** Runoilijan kielivaisto. [The poet's Linguistic flair] // Neuvosto-Karjala. – 1991. – 5. syysk. (in Finnish).

Chikina Natalya Valerevna, Senior Researcher, PhD.

Karelian Research Centre, Russian Academy of Science.

Str. Pushkinskaya, 11, Petrozavodsk, Russia 185910.

E-mail: tchikina@krc.karelia.ru